

Мессерер Борис

1. 11. 03.

Борис Мессерер выставился в честь Венедикта Ерофеева

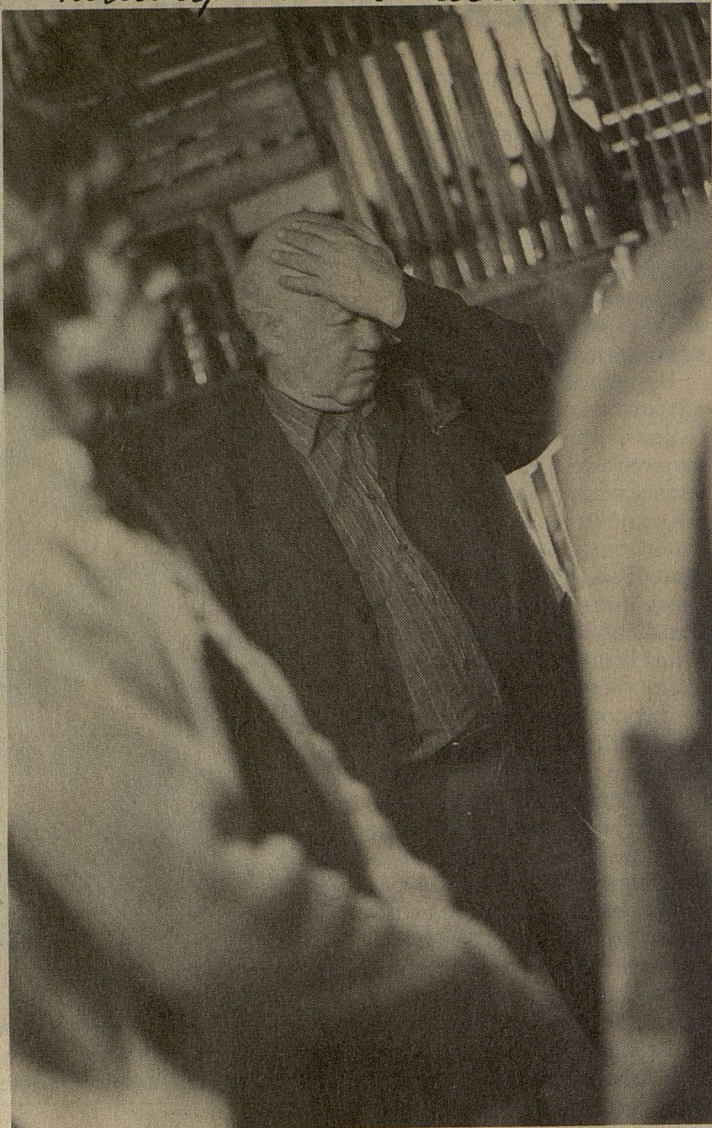
Коммерсантъ. — 2003. — 1 нояб. — с. 9.

Выставка юбилей

В Большом Манеже открылась выставка, посвященная 70-летию театрального художника Бориса Мессерера. На выставке побывал ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Выставка располагается на антресолях Большого Манежа. На ней представлены две инсталляции; одна — памяти Венедикта Ерофеева, вторая — тоже памяти Венедикта Ерофеева, но с осуждением советской бюрократии. Основной элемент инсталляций — бутылки из-под вина и водки, в которые вставлены церковные свечи; эти бутылки располагаются в конструкциях из деревянной тары, ящиков из-под бутылок, выкрашенных в меланхолические цвета. Первая инсталляция — просто шкаф, а во второй введена еще тема бюрократии в виде больших мельничных лопастей из старых деревянных счетов. Это как бы мельница времени, отсчитываемого бюрократией, которая крутится над бесконечным количеством выпитого интеллигентией пойла с религиозным (свечки) чувством. На стенах повешено несколько картин в коричневых тонах, которые являются своего рода эскизами к этой инсталляции. Кроме того, есть натюрморты, изображающие колющий и режущий инструмент: пилы, топоры и т. д., серия «Танцы в стиле ретро», серия абстрактных картин, а также эскизы декораций балета «Светлый ручей» и «Конек-горбунок».

Во всем в этом Борис Мессерер очень проявляется. Все какое-то странное. С одной стороны, выставка к 70-летию в Манеже — это Мессерер-академик, лауреат, главный художник государственных театров, и вообще все чин-чинарем. С другой стороны, по жанру это

Борису Мессереру тяжело далась концепция собственной юбилейной выставки. ФОТО АЛЕКСАНДРА МИРИДОНОВА

вроде бы должна быть большая художественная ретроспектива, а ее нет в помине. Показаны работы последних трех-четырех лет. Это Мессерер-нонконформист, не академик, не лауреат, не главный, а частное лицо, не признающее официоза. То есть концептуальная выставка. Но в таком случае должна быть какая-то концепция, а в чем она, не совсем понятно.

Непонятно, в каком смысле выставка, посвященная собственному 70-летию, должна быть в основном посвящена Венедикту Ерофееву. Все-таки тут надо разобраться, чью годовщину празднуем. Но если даже допустить, что это концепция, что, оглядываясь на свою долгую жизнь, мастер приходит к выводу, что вся она была, так сказать, долгим путе-

шествием из Москвы в Петушки, то тогда непонятно, в каком смысле остальное. Или ему как-то показалось, что балет «Светлый ручей» с его навеянными эстетикой ВДНХ декорациями как-то рифмуется с «Москвой-Петушками»? Ну хорошо, пусть так, все-таки это про советский колхоз. Но причем тут тогда «Конек-горбунок»? Тоже версия собственной жизни? Ерофеев как конек-горбунок? Мессерер как конек-горбунок? Нет, это уже ни в какие ворота не лезет.

Это не официальная выставка и не концептуальная выставка. Это такой особый жанр — «что-то такое выставка». И вот этот жанр является определяющим для художника Мессерера.

Стоят манекены с эскизами костюмов к «Фаусту»: фраки, выполненные из какой-то бязи с элементами воротничков и карманов, — «что-то такое фраки». Есть эти самые декорации к «Светлому ручью» — «что-то такое ВДНХ». Часть картин нарисованы как «что-то такое Целков», а часть — «что-то такое Краснопевцев». Все как-то не доведено до ясности, недодумано, недовысказано, но при этом, с одной стороны, как-то глубокомысленно (70 лет, патриарх), а с другой — декоративно (театральный художник).

В принципе когда недодуманная глубокомысленность соединяется с декоративностью, то это получается пошлость. Но вот Зураба Церетели все очень ругают за пошлость, и поэта Андрея Вознесенского тоже очень ругают за пошлость, и всех остальных из той компании, душой которой является Борис Мессерер, очень ругают за пошлость, а его не ругают.

Бориса Мессерера ругать не принято, потому что он очень хороший человек. Он безуко-

ризованно воспитан и очень гостеприимен. Он всем помогал, он всех любил, он проявлял чрезвычайное терпение и такт, он вел себя всегда в высшей степени благородно, и в многочисленных воспоминаниях семидесятников, которые, кажется, специально пишутся для того, чтобы рассказать друг про друга какую-нибудь гадость, про него вы никогда гадостей не найдете, потому что все сохранили к нему какие-то добрые чувства. А что до искусства...

Борис Мессерер показал на своей выставке работы последних пяти лет, но если не видеть дат, то это трудно понять. Удивительно, до какой степени педантично этот человек законсервировал эстетику 70-х годов. Немного «начала века», немного «абстракции», романтические вуали, черные шляпы, танцующие позы, призраки, цветочки, он — элегантный, как рояль, она — изящная, как скрипка, немного Андерсена, немного православия, и чтобы все это образовывало декоративный узор. Соединение глубокомысленности с декоративностью — это не господин Мессерер придумал. Это главное свойство семидесятничества.

Как справедливо заметил поэт, «рожденные в года глухие пути не помнят своего». Исходя из этого, их и нужно воспринимать. Даже будучи добрыми и прекрасно воспитанными людьми, ничего интересного они про свои 70 лет рассказать не могут. Лучшее, что они могут, — это законсервировать эстетику того несколько сомнамбулического состояния, в котором они проскочили свой путь. Путь не путь, а что-то такое прошли. Искусство не искусство, а что-то такое сделали. Выставка не выставка, а что-то показать можно.